

В комнате царило мёртвое безмолвие.

Шэн Лююй всё так же сидел на подоконнике, ничуть не заботясь о том, что его могут увидеть. Стоило Цун Юаню толкнуть дверь, как он тут же ступил под сень его иллюзии.

Только сам гость об этом даже не догадывался. Сотканный морок казался слишком осязаемым, слишком безупречным — в нём даже ветер за раскрытым окном дышал по-настоящему.

Шэн Лююй слегка склонил голову набок. Лента «облачной дымки», стягивавшая волосы на затылке, соскользнула вместе с тяжёлыми прядями и повисла у самого края подоконника.

Лёгким движением подбородка он велел Цун Юаню подобрать бумажный комок.

Тот боязливо поднял бумагу и разгладил её ладонью. Лист оказался девственно чист.

Цун Юань растерянно моргнул, чувствуя, как внутри нарастает глухая тревога. Чего от него хотят? Казнить или миловать — пусть решают быстрее, к чему эти загадки? Конечно, силами они явно не равны, но сдаваться без боя он не собирался.

Шэн Лююй взмахнул тонкой рукой, и прямо в воздухе, повинуясь движению его пальцев, соткалась светящаяся строка.

* «Ни звука. Всё, что хочешь сказать, пиши на бумаге»*

Цун Юань мысленно возмутился подобному произволу. С какой стати? То, что этот изнеженный господин наложил на себя обет молчания, ещё не повод затыкать рты остальным! Неудивительно, что на занятиях он ни на кого и взгляда не достаивал.

Впрочем, сила была на стороне молчаливого хозяина положения. Получить трёпку Цун Юаню не улыбалось, так что он счёл за благо мгновенно покориться.

На самом же деле всё объяснялось куда прозаичнее: Шэн Лююй был слеп и почти глух.

Сейчас они находились в сотворённой им иллюзии — в мире, где он безраздельно властвовал. Морок оставался ложью, но ложью столь искусной, что её невозможно было отличить от яви. В этом призрачном пространстве юноша мог подчинить себе чужие чувства: вернуть зрение слепцу или наделить немного даром речи.

Но исцелить себя он не мог.

Шэн Лююй слишком хорошо знал, что всё вокруг — лишь обман ума, а собственное сердце

провести невозможно. И потому даже в границах своего тайного царства он по-прежнему оставался слепым и глухим калеккой.

Когда он жил на Малой Тяжелой Горе, его недуг мало что менял: круг общения ограничивался старейшинами клана, да и среди слуг не держали тех, чьё развитие стояло ниже стадии Зарождения Души. Любой из них мог без труда соткать слова из чистой духовной энергии.

В академии же всё обстояло иначе. Шэн Лююй тщательно скрывал свою ущербность, а большинство местных учеников ещё не достигли той ступени, чтобы высвободить духовную силу и складывать из неё парящие в воздухе иероглифы.

Едва прослышав, что следующим противником Сэ Чанмина на состязаниях станет Цун Юань, Шэн Лююй решил во что бы то ни стало поговорить с полудемоном. Но прежде требовалось как-то решить вопрос с обменом мыслями.

Просиживая ночи за книгами, юноша сумел переиначить один из книжных массивов. Он нанёс его схему на лист бумаги, сделав проводником собственное перо: теперь стоило собеседнику начертать на этом листе хоть слово, как оно тут же передавалось прямо внутреннему зору Шэн Лююя, обретая плотность.

Этот изменённый массив разительно отличался от первоисточника. Впрочем, неудивительно — ведь слепым и глухим бессмертие обычно не светит. Те же редкие счастливики, кому удаётся взойти на ступень Зарождения Души, проходят через полное перерождение тела под воздействием хлынувшей в меридианы духовной силы. Все врождённые изъяны и застарелые хвори при этом бесследно исчезают.

Дрожащими пальцами Цун Юань нацарапал на листке:

* «Зачем молодой господин пожаловал ко мне?»*

В воздухе проступил холодный ответ:

* «Ты — полудемон»*

Сердце у Цун Юаня ушло в пятки. Он так и знал. Рано или поздно его тайна должна была раскрыться, и теперь его ждёт неминуемая смерть в стенах академии. Уж лучше бы он остался дома и принял кончину от отцовских побоев — по крайней мере, не пришлось бы столько времени изнывать от липкого страха.

Но раз уж Шэн Лююй не испепелил его на месте и не побежал жаловаться в Зал Размышления над Заповедями, значит, оставался призрачный шанс договориться.

Полудемон уже собрался было рассыпаться в велемечивых излияниях о своей

благонадёжности, моля пощадить его никчёмную жизнь, как перед глазами возникла новая светящаяся строчка:

* «Твой следующий соперник на Собрании Сломленной Ветви — Сэ Чанмин»*

Цун Юань опешил.

Разговор принимал совсем уж неожиданный оборот.

* «Всё так»*, — почтительно вывел он на бумаге.

Шэн Лююй помедлил, словно борясь с мимолётным сомнением, но затем всё же начертал:

* «В бою тебе запрещено использовать приёмы демонов»*

Цун Юань мысленно воздел руки к небу. Он что, по-твоему, совсем безумен? Нужно быть круглым идиотом, чтобы пред ликом почтенной публики и старейшин пустить в ход демонические техники, мгновенно выдав себя с головой и позволив растереть своё тело в порошок.

Поэтому он поспешил размашисто написать:

* «Ни в коем случае! Клянусь, я этого не сделаю»*

Поставив точку, Цун Юань украдкой поднял взгляд. Юноша на подоконнике, чуть склонив голову, «вглядывался» в лист бумаги. Он едва заметно сморщил нос и, кажется, тихонько фыркнул.

Шэн Лююй шевельнул рукой — шитые золотом узоры на его рукавах ярко блеснули в лучах полуденного солнца.

Пара небрежных жестов, и в воздухе соткалось:

* «Рад, что ты здраво оцениваешь свои силы»*

Уж в чём в чём, а в здравомыслии Цун Юаню отказать было нельзя — в академии он всегда тише воды ниже травы стоял.

Прикинув в уме, что гость прознал о его происхождении ещё во время прошлого инцидента и до сих пор хранил молчание, полудемон всё же не удержался от вопроса:

* «Раз уж вам ведомо моё происхождение, почему вы не выдали меня Залу Размышления над Заповедями?»*

Надпись вспыхнула с явной ноткой нетерпения:

* «Ты ведь не творил бесчинств»*

«Да уж, скромность — великая добродетель», — мысленно согласился Цун Юань. Если не высовываться и не делать глупостей, то и беду на свою голову не накличешь. Жаль только, упрямый отец настоял на его участии в состязаниях — и вот результат, предстал пред очи божественной птицы Чанмин.

Но во всей этой истории крылась какая-то странность. Коли Шэн Лююй знал, что за его душой нет грехов, зачем было утруждать себя визитом и брать с него обещание не пускать в ход тёмную силу?

Особенно учитывая, кто его соперник.

Поняв, что таинственный визитёр явился вовсе не карать и не испепелять грешников, Цун Юань осмелел и решился на осторожную уловку:

* «Вы запрещаете мне использовать приёмы демонов, потому что боитесь поражения Сэ Чанмина?»*

Сам он прекрасно понимал глупость этого предположения. Сэ Чанмин ухитрился без малейших усилий пробиться сквозь заслоны демонов на Пике Чжоу и с ходу раскусил его полукровочную суть — одолеть такого монстра Цун Юаню всё равно не светило.

Но почему бы не спросить?

С лица Шэн Лююя на миг слетела маска ледяного, недостижимого величия.

* «С чего бы мне бояться?»* — гневно засияли буквы.

И следом приписка, полная искреннего высокомерия:

* «Даже если ты из кожи вон полезешь, тебе его не превзойти»*

Разумеется, за исход боя он не переживал. Вот только демоническое искусство по своей сути нацелено на убийство, а старейшины академии мало что смыслили в подобных вещах.

Вдруг этот несносный человек пострадает?

Для обитателей здешних земель демоническая ци оставалась неизученной, опасной заразой. Шэн Лююй знал это по себе: даже будучи божественной птицей, из-за пагубного воздействия этой скверны он лишился зрения и наполовину оглох, и никто на Малой Тяжелой Горе так и не сумел его исцелить.

* «Так или иначе, в день поединка я буду там»*, — вывел он.

Да, тогда в саду, когда он таскал плоды, Сэ Чанмин умудрился поймать его. Но Шэн Лююй до сих пор упрямо верил, что виной всему была его собственная неловкость в чуждом птичьем обличье.

И даже когда Сэ Чанмин увёл его с Пика Чжоу, юноша утешал себя мыслью, что сам разрушил ядро защитного барьера, а этот проходимец просто удачно подвернулся под руку.

Как-никак, Чанмин оставался всего лишь нищим бродячим практиком на стадии Заложения Основы. Человеком, который не способен разжечь даже простейшее духовное пламя и вынужден греться у обыкновенной угольной печи.

Словом, без покровительства божественной птицы ему никак не обойтись.

Шэн Лююй объяснял это себе исключительно заботой о собственном будущем: в конце концов, этот наставник обязан пребывать в добром здравии, дабы усердно готовить его к предстоящим экзаменам. Никаких иных причин не было и быть не могло.

Цун Юань в очередной раз поклялся собственной жизнью, что не нарушит уговора.

Шэн Лююй скользнул взглядом по его заверениям с привычным холодным равнодушием, какое всегда выказывал чужакам, и начертил напоследок:

* «И ни единого слова Сэ Чанмину. Нарушишь — пеняй на себя»*

Выяснять, какова будет кара божественной птицы, Цун Юань не имел ни малейшего желания.

В то же мгновение наваждение рассеялось. Лист с кистью растворились прямо в воздухе, а силуэт Шэн Лююя растаял, не оставив и следа, словно его здесь никогда и не было.

Цун Юань подскочил к окну, испуганно огляделся по сторонам и поспешно захлопнул створки.

В голове его крутился образ недавнего гостя: тонкий силуэт, изумрудные одежды...

Постойте-ка. Где же он уже слышал нечто подобное?

Закончив урок, Сэ Чанмин направился к выходу из учебного корпуса. Стоило ему подойти к воротам Двора Ясной Луны, как до его слуха донёлся едва уловимый шорох крыльев.

В этих стенах всегда стояла непривычная прохлада, отпугивавшая как птиц, так и докучливую мошкарку. Откуда бы здесь взяться пернатым гостям?

Он невольно поднял взор к небу, но там уже никого не было.

На следующий день настал черёд Жуань Люся выходить на арену. Все обитатели Двора Ясной Луны отправились на тренировочную площадку, дабы поддержать соученицу.

Пристроившись на трибуне подле Сэ Чанмина, Цун Юань опасливо огляделся и зашептал ему на ухо:

— Старший Сэ, послушайте... Как думаете, а вдруг эта птица Чанмин на самом деле девица, переодетая мужчиной? Личико у него больно уж смазливое, да и сам он такой...

Сэ Чанмин прервал его на полуслове, медленно повернув голову:

— Ты умом тронулся?

Взгляд его оставался бесстрастным, а голос — ровным и тихим, но Цун Юань почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот.

— Виноват, сглупил! — затараторил он, съёжившись. — Язык мой — враг мой, сморозил глупость, не обращайтесь внимания!

<http://bllate.org/book/18249/1750617>